

*Памяти отца моего, либерала,
янсениста, республиканца, и памяти
моего дядюшки Владимира, которому
услуда Божья не позволила читать
эту книгу.*

Так говорит Господь:
Вот, что я построил, разрушу,
и что насадил, искореню — вся эту землю.
А ты просишь себе великого: не проси...

Иер. 45:4

Все это прошло,
Как тень, как ветер!

Виктор Гюго

О, дворец! О, весна!
Чья душа без пятна?
О, дворец! О, весна!
Чудесам учусь у счастья,
Каждый ждет его участия.

Артюр Рембо

Смотри, как я меняюсь!

Поль Валери

Какие книги стоят того, чтобы их писали,
кроме мемуаров?

Андре Мальро

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

I. Елеазар, или Седая древность

Наследственность — единственный бог,
имя которого мы знаем.

Оскар Уайльд

Я родился в мире, повернутом лицом назад. Прошлое ценилось там выше будущего. Деда я помню красивым, осанистым стариком, который жил воспоминаниями. Его мать танцевала во дворце Тюильри с герцогом Немурским, с князем Жуэнвильским и с герцогом Омальским, а моя бабушка вальсировала в Компьене с сыном императора. При этом весь мой древний род, невзирая на все несчастья, баррикады, осады и победы бунтарей, был всегда искренне предан только законной монархии. Ему ничего не говорили милые разным пророкам «поющие завтра». Золотой век с той сладостной жизнью, легенды о которой дошли до нас, как приглушенное эхо, и которой так и не увидели те из нас, кто был помоложе, воспринимался всеми нами как нечто оставшееся позади.

Среди нас, или, скорее, как-то немного над нами витал дух отсутствовавшего молчаливого персонажа — короля. Иногда по вечерам старейшие в ро-

ду еще рассказывали нам о нем как о не запятнавшем себя и очень добром господине, доверием которого временами злоупотребляли недостойные слуги. Пять-шесть раз на протяжении каждого века король говорил кому-нибудь из прадедов — маршалу или генералу, или первому президенту, двоюродному прадеду, или губернатору Лангедока, или какой-нибудь ветреной двоюродной бабушке — несколько незначительных слов о том о сем, которые потом без устали повторялись из уст в уста. И так нам было радостно от этих слов, что мы порой придумывали другие, все новые и новые. Мы были старинной семьей. Я достаточно рано стал задумываться над значением этого довольно загадочного выражения. Спрашивал у дедушки, не было ли, случайно, семей более старинных, чем наша, не было ли времен особо древних, охраняемых, возможно, ангелами с огненными мечами, когда мои предки гуляли одни, а других еще не было, и они появились откуда-то позже. Нет, на самом деле все семьи были одинаково древними. У каждого человека были отец и мать, два деда и две бабки, по четыре прадеда и четыре прабабки. Но при этом от иных из предков остались некоторые следы их пребывания на этом свете. Так я узнал, чем мы обязаны памяти о предках.

Прошлое представлялось мне прекрасным лесом, где, переплетаясь, уходили в бесконечность ветви деревьев, тянущихся до наших дней. Часто за ужином отец начинал рассказывать о неизвестных мне дядюшках, тетюшках и двоюродных братьях. Имена их путались у меня в голове. Целый мир пребывал в некоей меланхоличной и счастливой радости, от которой голова шла кругом. Еще задолго до чтения Бальзака и Пруста тени моего собственного прошло-

го нередко заставляли меня задумываться о приключениях людей.

Внезапно в истории возникла моя семья. Она резко появилась из тьмы небытия. Королю, а может, брату короля пришла в голову гениальная мысль взять с собой в крестовый поход на Восток первого представителя нашего рода, тем и прославившегося. Какой прекрасный дебют в свете! Ужасные пытки, головы, разлетающиеся на мелкие осколки черепа, чума и проказа — все это связано с именем Елеазара, нашего родоначальника, маршала веры и рати Господней. Люди, маниакально преданные истине, которая всегда относительна и менялась на протяжении истории, старались внушить мне, что великий Елеазар, гордость нашего рода, был несказанным, а может быть, и отъявленным мерзавцем. Похоже, его не очень-то уважали в окрестностях Дамаска, Тира и Сидона. Тетушки же мои поминали его в своих молитвах наравне со святыми угодниками и ангелами-хранителями. В общем, я довольно скоро понял, что история обманчива и что легенды скрывают правду.

Мир начинался с Елеазара. До него все пребывало во мраке, ибо мы еще не родились. Я, конечно, понимал, что у Елеазара тоже были отец и мать, два деда и две бабки, а также четыре прадеда и еще четыре прабабки. Но их как бы не существовало, поскольку их имена неизвестны. Для нас имели смысл только те вещи и люди, у которых были названия и имена. Ведь в именах и названиях уже заключалась идея порядка и иерархии, приверженцами которой мы были. Кстати, одной из причин, среди многих других, нашей недоверчивости по отношению к евреям являлось то, что непонятно по какой причине им случалось порой менять родовое имя. Нам казалось,

что поменять фамилию значило нарушить порядок вещей. Ведь даже Всевышний, создав мир, первым делом дал названия растениям и животным, дал имя первому мужчине и первой женщине. Бога мы упрекали только в одном: он не дал нашу фамилию Адаму и Еве. Соответственно нас несколько раздражало их притязание на первородство. Мировая история до нашего появления не имела большого значения. Впрочем, она была не слишком продолжительной. Из хороших книг мы узнали, что длилась она всего каких-нибудь там пять или шесть тысяч лет. Этого было вполне достаточно для тех малоинтересных эпох, где мы еще не фигурировали.

Впрочем, по причинам, нами не понятым, древние греки и римляне были нашими предками. Мы узнавали себя в них, в их благовоспитанной жестокости, в светской наглости, в несколько чванливом чувстве превосходства, и между нами установилось далекое родство: дядя Алкивиад и дядя Регул. Мы не вдавались в туманные теории, согласно которым чистота расы зависит от принадлежности к германским племенам. Всякого рода умствования у нас были не в чести. У нас был ясный рассудок, и здравомыслие мы почитали выше гениальности, а средиземноморский свет и солнце — выше нордических туманов. Мыслители ценились у нас не слишком высоко. Мы любили художников, архитекторов, воинов и священников. Дедушка мой не бывал ни в Риме, ни в Афинах, но говорил о них так, будто прожил там всю жизнь. Марий был, по его мнению, немножко пройдохой, мы стыдились Верреса, но Плутарх и Сулла, Перикл и все Горации, в том числе поэт, всегда были старыми друзьями нашей семьи. Этих людей мы бы повстречали, если бы жили в ту эпоху. Но очаровательная простота и уважение к истине по-

зволили нам родиться лишь в эпоху Крестовых походов.

Мы произошли, вперемешку и издалека, от строителей Акрополя, от легионеров Цезаря и от еврея-революционера, чью фамилию мы обожали почти так же, как нашу собственную. Еще одна тайна: это был единственный революционер, которого мы принимали, которого мы даже звали себе в учителя. Всех остальных как бы и не было. Зачем нам были нужны всякие ацтеки и инки, вошедшие в бурную историю позже нас? Мы знали, конечно, что существуют негры, эскимосы и разные представители желтой расы, но мы их никогда не видели. Пришлось дожидаться Колониальной выставки, чтобы моя двоюродная бабушка увидела, наконец, воочию настоящего негра. Кстати, она осталась от него в восторге. И все-таки было невозможно себе представить, что эти люди устроены совсем так же, как мы. Неслучайно ведь Господь, обычно такой снисходительный, наделил их такой внешностью. И даже американцы представлялись нам всего лишь дурно воспитанными большими детьми, о которых трудно было говорить без улыбки. Прабабушка моего дедушки, оставившая после себя мемуары, часто цитировала Шамфора, Ривароля, госпожу де Сталь, Шатобриана. Но ни словом не обмолвилась о Бенджамине Франклине, хотя и встречала его, о чем нам известно из достоверных источников, в Версале. Дедушка мой следовал этому примеру и временами делал вид, будто забыл, что Америка уже не является английской колонией. Он недолюбливал англичан, но еще больше опасался той подозрительной поспешности, с какой колонии стараются освободиться от своих хозяев. «Это такая молодая нация...» — мечтательно говорила о Соединенных Штатах наша соседка по име-

нию, старавшаяся идти в ногу со временем. «Плохо только то, — отвечал мой дед, — что эта нация молодеет с каждым днем». И добавлял, что если бы он оказался на месте Христофора Колумба, то он ни за что никому бы не сказал, что открыл Америку. Только одна нация, кроме нашей, была достойна внимания, а то и некоторого уважения: это были китайцы. Они изобрели порох, компас, фейерверки, воздушных змеев, отчего в мандаринах, испокон века соблюдавших незыблемые традиции, можно было видеть своего рода ученых коллег, ироничных, немногословных и весьма удаленных от нас неких то ли сообщников, то ли родственников, чей культ предков и закоренелый индивидуализм на веки вечные оградил их от революционных угроз, начавших нависать над Западом еще во времена Лютера и Кромвеля.

У нас был самый что ни на есть простой образ жизни, где главное место занимали мессы, псовая охота, культ белого флага и родовитость. Ничего удивительного в таком образе жизни мы не видели: слишком давно он установился, и ничего иного мы просто не могли себе представить. Но достаточно мне вспомнить какое-нибудь время года, день и час этого совсем вроде бы светлого существования, чтобы тут же осознать всю плотность тайн, скрывавшихся за этой прозрачностью. Понадобилось очень много времени, чтобы все стало таким легким. Понадобилось много страданий, много пота и крови, чтобы я мог весело кататься на велосипеде по аллеям вокруг большого каменного здания с башнями и дозорными дорожками, которое местные жители называли замком. И они были правы. Это был всем замкам замок.

Нам казалось совершенно естественным жить в замке. Здесь родился мой отец, и его отец, и отец

его отца. Из поколения в поколение мы здесь рождались и возвращались умирать. Один из братьев моего прадеда был на протяжении долгих лет невероятным и очаровательным мошенником. Благочестивого уничтожения чудом избежали лишь одна-две его фотографии. Он дюжинами продавал не принадлежавшие ему дома, корабли, скаковых лошадей, а то и женщин. Захватив с собой приданое сразу трех девиц, разумеется, девиц из высшего общества, он укатил в Южную Америку. Рассказывали, что его матушка, святая женщина, узнав об этом, умерла от горя. Как и все ее предки, она умерла в Плесси-ле-Водрёе. А через несколько лет он и сам вернулся из Аргентины, вернулся по своей воле, не опасаясь ни полиции, ни кредиторов, ни отцов и братьев своих невест, и почил в Господе, который только тем и занимался, что прощал нам наши преступления, наши безумства и ошибки. Так вот и организовывались вокруг нас наше пространство и наше время. Время, которое текло в обратном направлении только к своим истокам. А пространство имело своим центром колыбель нашего рода, куда мы и возвращались умирать.

Как вы сами понимаете, замок моего отца и деда, его отца и его деда и их прадедов на протяжении веков и поколений наполнялся завещанным имуществом. Комодами-склепами, цилиндрическими секретерами с круглой крышечкой, столами с инкрустацией и лакированными столиками самой разной конфигурации и назначения, с ящичками и без оных, опускающимися и поднимающимися по желанию, коврами и гобеленами из Обюсона и Фландрии, портретами предков в рост при всех регалиях, небрежно опирающихся одной рукой на письменный стол, с письмом в руке, на котором четко вы-